

К «Истории о некоем французском шляхтиче, именем Александре» целиком может быть отнесена характеристика П. Н. Берковым повествовательной литературы 40—50-х годов XVIII в.: «В царствование Елизаветы и даже в конце царствования Анны Иоанновны замечается реакция и в театре (трагедия Сумарокова), и в литературе (ода, панегирическая проповедь, иллюминационные надписи), героями вновь становятся лица „высокого“ происхождения, короче говоря, цари и равные им по положению „особы“. В эти годы вновь обнаруживается в повествовательной литературе интерес к героям-царям, к их воинским подвигам, к пышному придворному ритуалу... Это, по существу, „возврат“ к традициям допетровской повести и, конечно, „возврат“, не имевший прогрессивного значения».⁶⁰

Действительно, «возврат» к традициям допетровской литературы в повестях 40—50-х годов сказался в утрате тех черт прогрессивной идеологии своего времени, которые были характерны для «петровских повестей». Художественные же достижения литературы первых десятилетий XVIII в. оказали большое влияние на повести середины этого столетия. Не случайно поэтому, что такой большой знаток повествовательной литературы XVIII в., как В. В. Сиповский, только на основе близости художественных черт отнес к «петровским повестям» «Гисторию королевича Архилабона» (написанную в 1750 г.).⁶¹ С. Ф. Елеонским отмечено воздействие «петровских повестей» на «Историю о французском сыне»,⁶² П. Н. Берковым и В. И. Малышевым — на «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»⁶³ и М. В. Николаевой — на «Историю о Ярополе царевиче»⁶⁴ и на «Гисторию о гишпанском королевиче принце Дикаронии и о французской принцессе Елизавете».⁶⁵

К группе же подобных повествовательных сочинений 40—50-х годов XVIII в., использовавших опыт литературы начала этого века, отразивших влияние как народно-поэтического творчества, так и переводных памятников, относится и «История о некоем французском шляхтиче, именем Александра, како утвержден бысть в Цесарии цесарем, и о царевне Вене».

ТЕКСТ

4. 1

история о некоем французском шляхтиче,
именем Александре, како утвержден бысть
в Цесарии цесарем, и о цесаревне Вене.

Во французском королевстве, именуемом граде Париже, бысть некий благородны шляхтичь зело богат, но не презельным богатством процветая, но паче сияя храбростию. И для своей храбрости знаем бе многими ковалеры. Имел же сей шляхтичь у себя сына, именем Александра, зело прекрасна и силою великою обогащенна. О нем же настоящая сия гистория

⁶⁰ П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 425.

⁶¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. L—LI.

⁶² С. Ф. Елеонский. История о французском сыне. Новая повесть XVIII века. М., 1915, стр. 16—23.

⁶³ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века, стр. 415—416.

⁶⁴ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 65—66.

⁶⁵ М. В. Николаева. Неизвестная повесть первой половины XVIII в. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, Факультет языка и литературы. Л., 1958, т. 184, вып. 6, стр. 17—27.